

ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Е.В. Иванцова

ТОПОНИМИЯ В ИДИОЛЕКСИКОНЕ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ: СОСТАВ И ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ¹

Томский государственный университет

Традиционно привлекающая внимание лингвистов область ономастики в наши дни ставит новые актуальные задачи, в числе которых – исследование ономастикона с позиций лингвоперсонологии. Изучение объема и состава онимов носителей языка, источников формирования и развития их ономастической системы, анализ соотношения узуального и индивидуального в этой сфере лексики, реконструкция фрагментов языковой картины мира говорящих – вот далеко не полный перечень проблем, которые стоят перед языковедами [1]. Особенности индивидуального ономастикона отчасти отражаются в словарях языка писателей [2, 3], начинают исследоваться в художественных произведениях отдельных авторов [4, 5, 6] и на основе данных психолингвистических экспериментов [7]. В то же время поставленные задачи еще далеки от разрешения. Представляется, что ответы на них нужно искать, опираясь в первую очередь на тексты живой естественной речи, наиболее полно отражающие характер индивидуального владения языком. Наряду с творческими языковыми личностями нуждается в первоочередном изучении и рядовой носитель языка как наиболее распространенный в обществе тип.

Материалом статьи являются записи речи В.П. Вершининой (1909–2004 гг.) – русской, малограмотной, носителя архаического типа среднеобского старожильческого говора, всю жизнь прожившей в с. Вершинино Томской обл. Текстовый архив объемом около 10000 страниц, созданный автором в процессе включенного наблюдения над языковым существованием информанта в 1981–2004 гг., послужил основой для комплексного изучения феномена диалектной языковой личности (см. [8]), в том числе – его топонимической системы.

Топонимия в лексиконе исследуемой языковой личности насчитывает около 200 единиц. Оценить, насколько богат или, напротив, беден этот класс онимов в количественном отношении, пока не

представляется возможным из-за отсутствия каких-либо сопоставительных данных. Можно лишь отметить, что топонимов в индивидуальном ономастиконе В.П. Вершининой существенно меньше, чем антропонимов (последних около 1000).

Имеют место географические наименования разных типов.

Среди названий макрообъектов – наименования стран: *Россия / Росёя, Советский Союз, Германия, Америка, Китай, Ирак, Армения, Казахстан, Украина / Украина* (9)². Имена менее крупных объектов (10) отражают территориальное деление в пределах нашей страны: *Бурятия, Восток, Дальний Восток, Кемеровская область, Красноярский край, Подмосковьё, Приморский край, Сахалин, Южный Сахалин, Чечня, Чукотка*.

Далее на «индивидуальной карте» диалектоносителя широко представлены города (35). Единичны названия столиц иностранных государств (*Берлин, Иерусалим*), немногочисленны наименования городов некоторых союзных республик СССР: *Анджиджан* (Узбекистан), *Жинтомир и Чернобыль / Чернобыль* (Украина), *Караганда, Павлодар и Семпалатинск* (Казахстан). В большинстве же своем это города Российской Федерации: *Москва, Абакан, Арзамас, Барнаул, Владивосток, Горький, Грозный, Краснодар, Красноярск, Ленинград, Новосибирск, Сочи, Улан-Удэ, Усурийск*. Отметим, что самую значительную группу из них составляют названия городов Томской и Кемеровской областей: *Томск, Асина, Почтовъый / Пято почтовъый / Пятый почтовъый / Пятый* (неофициальное обозначение закрытого города вблизи Томска), *Северск, Стрежевоё / Стрежевой, Кемерово / Кемерово, Белова, Ленинск-Кузнецка, Новокузнецк / Новокузнецка, Прокопьевск, Тайга, Юрга*.

Более дробное административное деление на районы (4) отражено в речи информанта только по отношению к тем же областям: *Асиновский, Кожев-*

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 06-04-64402 а/Т «Исследование региональных особенностей языковой личности старожила Сибири».

² В скобках здесь и далее указано количество наименований без учета вариантных единиц, объединенных знаком /.

никовский и Молчановский районы Томской обл., Яшкинский район Кемеровской обл.

Самым обширным классом (51) в лексиконе диалектоносителя являются наименования мелких населенных пунктов: сел, деревень, поселков. Все они расположены в регионе средней части бассейна р. Оби, на территории Томской и граничащей с ней Кемеровской области: *Алаева, Барабинка / Брабинка, Басандайка, Батурина, Белый Яр, Бобровка, Богашова, Варюхица, Вершинина, Георгиевка, Заварзина, Зелеева, Зональная, Зырянка, Ипатова, Казанка, Калтай, Кандинка, Каргасок, Кисловка, Ключи, Кожевникова, Коларова, Косогорова / Косогорова, Курлек, Ларина, Лоскутова, Лучанова, Магадаева / Магадаево, Надежда, Нарым, Наумовка, Николаевка, Октябрьская / Октябрьский, Откара, Пашкова, Первомайка, Петровка, Петухова, Рыбалово, Светлый, Семилужки, Синий Утёс, Смокотнина, Сосновка / Усть-Сосновка, Софроновка, Суйга, Суранова, Тимирязева, Чёрная Речка, Яр / Ярское.*

Названия районов и улиц внутри населенных пунктов отмечены только для двух объектов – Томска и Вершинина.

Томская топонимия в речи информанта представлена наименованиями частей города (16), некоторые из них являются неофициальными: Академгородок, Бактин, Вторая Томска, Держинка / Дзержинка, За Истоком, Каменный мост, Каштак, Красные казармы, Линия, Университетская роща, Перво Томск / Первый Томск, Псих / Психа, Степановка, Черемошники, Шарика, Южная, улицы, переулков и площадей (30): Банный переулок, улицы Батенкова / Батенковска, Белинская, Беленцева, Вершинина, Иркутский тракт, Каменная / Каменская, Комсомольская, Красноармейская, Лазо, Лебедева, Ленина, Макрушина, Набережная Ушайки, Нахимова, Никитина, Новосибирская, Обруб, Октябрьска(я), Олега Кошевого, Опеценко «Осипенко», Пирогова, Рабочая, Сибирская(я), Советская, Татарская, Тверская, Усова, Фрунзе, Черных, площадь Революции.

В Вершинине зафиксированы неофициальные названия частей села (4): *Горёвка, Горка / На Горке, Татарский край / Татары, Чебоксары* – и отдельные наименования улиц (3) – *Садовая, Советская и Победа.*

Кроме того, в лексиконе информанта есть группа топонимов, обозначающих участки рельефа в окрестностях села (13). Наименования эти имеют, как правило, участки, значимые в сельскохозяйственном отношении – возвышенные и низменные, отличающиеся наличием или отсутствием растительности на самом участке или вблизи него, находящихся вблизи от лесных массивов, водных источников; все оронимы – неофициальные: *Под бором,*

Грязнушки, Елань, на Кобысовой, на Кузнецовой / Кузнецово, Култык, На лузу, На Нижном, Перелив / Переливы, На Середнем, Страшно, Татарский колок, За Чистым. Примыкают к ним немногочисленные названия холмов (2) (*Шумиха, Еланная гора*) и островов (3) (*Коларовский остров, Казанский остров, Вершининский остров*).

Большую группу единиц представляют гидронимы (18). Среди них – единственное название моря (*Чёрное море*), из крупных рек отмечена лишь *Обь*; все остальные водные объекты связаны с наименованием реки, на которой стоит Вершинино, ее проток, рукавов, заливов и притоков в окрестностях села (*Томь, Панькова, Светлая, Криулька / Кривулька, Сенна курья, Сухая речка, Капитановка, Тугояковка*), озер (*Парменово озеро, Мочище, Полое*) и болот (*Моховое болото, Клюквенное болото, Поварнишное болото, Торкма / Торкмишно болото*).

Как нетрудно заметить, индивидуальная «географическая карта» отражает разную степень расчлененности пространства в языковой картине мира говорящего. В соответствии с принципом эгоцентрической организации последней центром такой карты является место проживания индивида. Освоенная область пространства, которую можно схематично представить в виде ряда концентрических кругов (в данном случае – село Вершинино, Томск и населенные пункты среднеобского бассейна), насыщена топонимами. Периферийная часть карты, к которой относятся другие регионы России, а также страны ближнего и дальнего зарубежья, отражена фрагментарно, с множеством лакун: отсутствуют наименования многих крупных российских городов и территориальных единиц, зафиксированы лишь единичные названия государств, причем Европа представлена, например, только *Германией*, Восток – *Китаем* и *Ираком*, а бывшие союзные республики СССР – *Украиной, Казахстаном* и *Арменией*.

Наиболее многочисленны в идиолексиконе классы ойконимов, урбанонимов, оронимов и гидронимов. Соотношение различных групп географических наименований демонстрирует закономерное для диалектной языковой личности преобладание названий деревень над названиями городов, наличие широкого круга микропонимов и неофициальных обозначений.

Часть топонимов, зафиксированных в речи информанта, архаизировалась вследствие исчезновения деревень (*Смокотнина, Ларина*), переименования улиц (*Банный переулок* в Томске, *Садовая улица* в Вершинине), утраты старых принципов номинации объектов внутри поселения. В связи с последним фактором обращает на себя внимание очень незначительное количество онимов, отражающих

современное членение пространства внутри Вершинина. Исконным для старожильского села, история которого восходит к XVII в., было деление на части – «края» (*Татары / Татарский край, Горка / На горке, Горёвка*) при почти полном отсутствии названий улиц (единственным и, видимо, достаточно поздно появившимся исключением являлась *Садовая улица*): *Та называлась Садова улица. Садова. А наша [часть села] Горёвка. <...> А в том краю Татары, а тут – На горке. Де Кузя-то жили, дак... «На горке» так звали, «На горке».* Официальные названия улиц (*Советская улица, улица Победы, Лесной переулок и др.*) возникли только в наши дни. Аналогичным образом развивалась, вероятно, топонимия всех древних русских поселений, в том числе и Томска (ср. [9]). Старая система наименований родного села перешла в пассивный словарный запас информанта (эти топонимы употребляются только в речевом жанре воспоминаний или в метатекстах, спровоцированных вопросами диалектолога), однако замены ее на современные названия улиц не произошло. Новые топонимы малоупотребительны (по нашим наблюдениям, не только в речи исследуемой языковой личности, но и у других вершининцев), а адресную функцию при непринужденном общении сельских жителей обычно выполняют антропонимы и/или указание на топообъекты: *Они тут неподалёку от нас живут, де сворачивам напротив Моти, там на углу-то, тут дача; Вот они жили тут от где Иван Иванович, как в переулок-то свёртываешь, ихний дом; А больница у нас далёко, на той установке там, в монолитных домах-то; А он хотел строить – там, где Ласточкины, под горой туды избушечку себе; От и сходили бы, да посмотрели этот дом-то. <...> Где Поля живёт, наскосо к Поли, на той улице; Пришёл это – на той улице живёт, де Рая, дак суды поближе – парень, он с двадцать третьего году и т.п.*

Топонимия индивида формируется на базе узальной топонимической системы, вбирая в процессе развития языковой личности актуальные для данного индивида элементы из ее различных подсистем.

Первичной базой формирования лексикона является исконная для субъекта форма существования национального языка.

Поскольку исследуемый информант – носитель традиционного старожильского говора, часть топонимов была усвоена им в процессе овладения родным диалектом. Объекты номинации в данном случае известны диалектоносителю из личного опыта. Большинство местных топонимов знакомо В.П. Вершининой с детства: *Всё бегали... бегали к Сухой речке [в Троицу], туды, де конплекс – веночки вили да... В реку пускали. Если утонет, дак умрешь; И собирались все. Мы в Горёвке на своей, а там Садова там где, около дома, как уж приют*

какой-то был, а-а... там На горке, там собирались, а в тем краю тоже; Там березник был на Елани на Ларинской. Березнику дополна было, ой! дополна. А он большой... сена там только один стог ставили, однако, два ли... сеять мало сеяли там, а это, березнику много было. А тут пай были на Нижном – хоро-оши, ой! таки травы разны (из воспоминаний о молодости и времени единоличного хозяйствования). В более поздний период жизни информанта эта группа пополняется отдельными официальными (улицы *Советская, Победа*) и неофициальными (часть села *Чебоксары*) наименованиями, которые так и не переходят в активное употребление.

Социализация индивида как условие развития языковой личности предполагает усвоение человеком определенной системы знаний и представлений об окружающей его действительности. Знания и представления о географических объектах при отсутствии формирующего научные взгляды образования складываются стихийно и отражаются в наивной картине мира.

На протяжении всей жизни лексикон личности пополнялся единицами иных топонимических подсистем: урбанонимами Томска, географическими наименованиями населенных пунктов среднеобского региона, России и других стран. Большинство из них являются общерусскими, отдельные топонимы (прежде всего в томской топонимике) типичны для городского просторечия.

Состав топонимов идиолексикона расширяется за счет нескольких источников:

– расширения личного опыта индивида. Ряд топонимов усвоен диалектоносительницей в процессе освоения некоторой области жизненного пространства: поездок в Томск, Северск («Пятый почтовый») и соседние села в гости к родственникам, на базар, в больницу и т.п.: *Ну, а потом мы проводили своих-то [на фронт], были в районкома'те, здесь Набережная Ушайки, а потом нас отправили всех, мы пошли вместе, на Пе'рву... на Втору, То'мска. Мы пришли, а Елена [сестра] на Втору Томске жила; Я кое-чѐ продажу соберу и уеду до свету с им. Приеду – никого-о нет на базаре на Первом Томским...; Ну хороша квартира, я была у их, на Пятом-то; «Ты была в Лоскутовой в больнице?» Я грю: «Неужели нет, была. Сколько раз была»; Смокотниной не стало чѐ-то. Хороши дома были, двухэтажны там были – я помню, раза два-три там бывала. В Смокотниной. На свадьбе гуляла ездила там, ешо чѐ-то я была, на переезды ездила. Она за рекой. Недалёко; У нас был пай у тяти – больше березнику было, это, а косить сено мало. Дак он покупал в Лариной. Косили мы там. Лога-а-лога, помню, косили всё. И там ночевала в Лариной ездили, там-ка мы ночуем. Косили всегда; Раньше чистота была в лесу-то. Так от я в синатории*

бывала ходила – Валя там в синатории была, Мишенька у меня был в синатории, я это, ходили мы туды, в Тимирязевой – лес чистый-чистый!;

– сведений, полученных от собеседников. Общаюсь с широким кругом родственников, односельчан, городских знакомых, зная в деталях их биографии, имея представление о месте рождения и постоянного проживания, поездках и переездах в связи с семейными обстоятельствами, военной службой и т.д., исследуемая языковая личность усвоила большой объем информации с топонимической составляющей. В этом случае говорящим через посредство чужой речи осваивается личный опыт партнеров коммуникации: *У нас мальчик, мнук, уехал на Чёрно море, туды. Ну, он по болезни; Она вышла замуж, в Стрежевом работала, та'мо-ка на вахте, и сошлась с одним; А он много наловил [рыбы], ездил в Белый Яр; Переводилась [племянница], Арзамас город, а он закрытый был; Куды-то его далёко отравили [в армию]. На Сахалин куды-то, ага; У ей сын сидит. Де-то в Красноярском они были – ну, у их кака-то там шайка была; Здесь отец у его утонул, у Васи, на днях. В Зырянке он жил; Она [двоюродная сестра] Приморский край там, в Усурийске, близко [живёт]...; А наш [о племяннике] как был в этой, в Чернопыле, и он тоже как ветеран тепёрича, ему удостоверение выдали, и всё...;*

– сведений из средств массовой информации – радио и газет. При этом так же, как и в предыдущем случае, представление об объектах топонимической номинации получено субъектом только из чужой речи, однако речь эта официальная – публицистическая или рекламная: *Нонче передавали, врач какой-то... Он это, и в Америке был, и у его там друг хороший в Америке, он ездит – он живёт в Москве; А сёдня передавали в Новосибирске дож или град; В Москве счас воду бесплатно дают хорошу, сёдня по радио передавали. В накетав тамо-ка, ли чё. Чисту воду де-то берут. «Вести из Москвы»; А передавали по радио, в Кожевниковой рожь шибко хороша, траву, это, заливало, это одно место там, луга – заливало водой; От по радио передавали... да, в газете это было, а в какой газете-то? А, её унесла Маруся Дёмешева эту газету, ты, поди, видала. Где-то Суйга, Томского району... Суйга, да, Суйга. В Суйге приняла... четверо детей у неё. А де муж у неё, ничё там не пишут. Приняла сожителя; А счас передают! Даже сёдня передавали, по две с половиной тысячи де-то*

[продают масло]. Улица Луговая. Где она? Луговая улица, я тоже не знаю, где она;

– в редких случаях топонимы закрепляются в индивидуальном ономастиконе через посредство прецедентных текстов. Наименование *Ирусалим* функционирует в дискурсе информанта только в составе молитвы, выученной со слов матери: *Ма'ти Маре'я, де спала ночевала? В городе Ирусали'ме, во польческой церькви, в алтаре на престоле...*

Крупные исторические и политические события, получающие широкий резонанс и в общественном сознании, и в СМИ, отражаются в частной жизни рядовых членов общества. Поэтому многие топонимические единицы усваиваются языковой личностью на пересечении разных информационных каналов. Так, две войны с Германией, пережитые Россией в XX в., оставили след и в личной судьбе В.П. Вершининой, ее родственников и односельчан: отец участвовал в Первой мировой войне, а муж – в Великой Отечественной, погибли на фронте многие близкие ей люди; в ликвидации чернобыльской катастрофы принимал участие племянник, процессы миграции на постсоветском пространстве затронули Вершинино, в котором появились переселенцы из Казахстана, Чечни, Украины и Китая; в зону боевых действий в Чеченской Республике отправляют призывников и т.д.: *А парень говорит: «Двадцать семь миллионов погибло – от Москвы до Берлина в четыре ряда только накла'сь надо было, гыт, так»; Наши-то ослободи'ли Германию-то, его взяли там уж, он после довоёвывал; А этот, Петюров – слышал ты тоже? Поехали они туды. Хотели его поповедовать. А его отравили, они его не захватили. Галя, гыт, шибко плакала. В Чечню отравили; А это Лида, вот туды с Мотей в ряд живёт, туды дом-то на' берег туда. [Она местная?] Не-ет. Из Семипалатинска. Таким образом, большинство топонимов, освоенных языковой личностью, также входят в личную зону говорящего, связанную с условиями его жизни, интересами и чувствами.*

Итак, исследование состава и источников топонимии в лексиконе диалектной языковой личности позволяет выявить круг стихийно сложившихся знаний о географическом членении пространства, характер формирования представлений о нем. «Наивная география» рядового носителя языка дает важные сведения о языковой картине мира индивида и социума, членом которого он является.

Поступила в редакцию 29.12.2006

Литература

1. Рут М.Э. Ономастикон и личность: аспекты проблемы // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 1998.
2. Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Имена собственные. Л., 1975.
3. Словарь языка русских произведений Шевченко. Киев, 1986. Т. 2 (приложение).

4. Чернов В.А. Ономастика в «Житии протопопа Аввакума» // Вопросы ономастики. Свердловск, 1975. Вып. 10.
5. Лосева Л.И. Ономастика как один из факторов характеристики личности Н. Клюева // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 1998.
6. Ономастикон романа Пушкина «Евгений Онегин». М., 1999.
7. Бельшева С.В., Матюхина А.С., Рут М.Э. Ономастикон и личность: аспекты проблемы // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 1999.
8. Иванцова Е.В. Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе // Вестник Томского гос. ун-та. 2006. Серия: Филология. № 291.
9. Захарова Л.А., Нестерова Н.Г., Старикова Г.Н., Мороз Е.В. Лингвистическое краеведение: Учеб. пособие. Томск, 2005.

УДК 801.3

О.Г. Щитова

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ АССИМИЛЯЦИИ НЕИСКОННОЙ ЛЕКСИКИ СРЕДНЕОБСКИХ ГОВОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТОМСКИХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ XVII ВЕКА)

Томский государственный педагогический университет

Источником для изучения среднеобских говоров начального периода их формирования являются томские деловые документы XVII столетия: в конце XVI – начале XVII вв. происходит заселение русскими Среднего Приобья и становление первых острогов на территории бывшей Томской губернии. Именно в деловой письменности периода формирования русского национального языка в значительной степени находят отражение народно-разговорная стихия, изучение которой особенно актуально в аспекте исторической диалектологии. Предметом нашего исследования является семантическое освоение заимствований томской разговорной речи XVII в.

При вхождении иноязычного слова в принимающую его языковую систему происходит его освоение, проявляющееся на всех языковых уровнях. Семантическая ассимиляция заимствования – это включение его в лексико-семантическую систему языка-реципиента: становление лексического значения иноязычной новации, формирование у нее различных зависимостей и связей с исконными единицами заимствующего языка. Семантическая ассимиляция заимствования – многогранное явление. Внимание ученых привлекают изменения, произошедшие в семантическом облике иноязычного слова при вхождении его в русскую лексико-семантическую систему (С.А. Беляева, Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Н.А. Газанчиан, К.Л. Егорова, Л.П. Ефремов, Л.Л. Кутина, Д.С. Лотте, В.Е. Ущечко, И.С. Хаустова, Р.А. Юналеева и др.), реакция системы принимающего языка на новозаимствование, этапы семантического освоения иноязычных лексем (В.М. Аристова, О.А. Пылакина, Л.П. Рупсова, Ю.С. Сорокин и др.), взаимоотношения и связи заимствованного и исконного словаря: валентностные способности иноязычной лексики, отно-

шения дублетности, синонимии, омонимии, родовые отношения и др. (Е.Н. Борисова, С.С. Волков, Н.В. Габдреева, Б.С. Гасанов, Б.Н. Забавников, Н.В. Зинова, А.Г. Погорелов и др.).

Один из аспектов изучения семантической ассимиляции иноязычных лексем – анализ путей освоения их семантики. При моносемичности иноязычного прототипа таких путей можно отметить несколько:

- семантическое тождество заимствования и его иноязычного прототипа,
- специализация лексического значения заимствования,
- абстрагирование семантики лексемы-прототипа,
- трансформация лексического значения неисконной номинации в языке-реципиенте, проходящая по типу метафорического или метонимического переноса.

Рассмотрим последовательно каждую из указанных закономерностей.

1. В процессе семантической ассимиляции неисконной новации значение заимствованного слова полностью совпадает со значением его иноязычного прототипа. Это особенно характерно для предметной лексики:

АНИС ‘растение *Pimpinella anisum*’ < нем. Anis или фр. anis ‘то же’;

АТЛАС ‘сорт шелковой блестящей ткани’ < польск. atlas ‘то же’;

БАЗАР ‘рынок’ < тюрк. диал. bazar, тур., алт., уйг. bazar ‘ярмарка, рынок’ < перс. bāzār ‘то же’;

КУПОРОС ‘медный купорос’ < фр. couperose ‘то же’;

ПИСТОЛЕТ ‘короткое ручное огнестрельное оружие’ < стар. нем. Pistolet ‘то же’;